ОСЕТИНСКОЕ *ilivd* – ПЕРСИДСКОЕ *ālufta*

В. И. АБАЕВ

Academy of Sciences, Moscow

Бывают слова, засвидетельствованные в текстах и зафиксированные в словарях, существование которых однако же подвергается сомнению.

Таким словом является, например, персидский глагол *āluftan*. Часть лексикографов считает, что реально существует глагол *āšuftan*, а *āluftan* – это описка вместо *āšuftan*. Вуллерс, со ссылкой на Borhāni Qātiū, приводя *āluftan*, не дает ему никакого толкования, а отсылает к *āšuftan*. Последний он связывает с др.инд. *kṣubh-* и дает ему следующие значения:

1. *movere, agitare, pertubare*; 2. *commoveri, agitari, perturbari*; 3. *irasci*. Причастие *āšufta* переводится: 1. *agitatus, perturbatus*; 2. *iratus*; 3. *amans, amore captus*¹.

Нет *āluftan* и в словаре Ценкера. Любопытно, однако, что и Вуллерс и Ценкер дают как самостоятельное слово причастие *ālufta*. По Вуллерсу, это слово означает то же, что *āšufta*, т.е. 1. *agitatus* и пр. (см. выше), а кроме того еще; 2. *homo vagus, ergo*; 3. *pauper, afflictus*; 4. *pila*. Ценкер переводит *āšufta*: *troublé, agité, stupefait, attristé, hors de soi* (*par suite d'amour, de colère etc.*), *amoureux*. Для *ālufta* даются значения: *frappé, stupefait, épris d'amour, vagabond*².

В персидско-русских словарях М.А.Гаффарова (Москва, 1914) и Б.В.Миллера (Москва, 1953) отсутствуют как *āluftan* так и *ālufta*. Новейший персидско-афганский словарь, из-

¹ J. A. Vullers. *Lexicon persico-latinum etymologicum*, Bonnae ad Rhenum, 1845, I 39, 48.

² Vullers I 48: – J. Th. Zenker. *Dictionnaire turc-arabe-persan*, Leipzig, 1866, pp. 54, 90.

данный Афганской Академией наук (составитель Abdullah Afghani Nawces) под словом *āluftan* ограничивается отсылкой к *āšuftan* (т. 1, р. 28, Kabul, 1957). Так же переидско-английский словарь Hajim (Tahrān 1934). *Fārhāng-e Amid* (Tahrān, 1340) глаголу *āluftan* дает значения: *ašuftan*, *šūrīda šudan*, *parīšān šudan* (= быть взволнованным, возбужденным, обезумевшим и пр.). Эти же значения находим в словаре Mo'in (Tahrān, 1963, стр. 82).

Р. Хорн не включил *āluftan* в свой этимологический словарь (*Grundriss der neupersischen Etymologie*, 1893). Этот же автор в другом месте высказывает догадку, что *āluftan* не более как описка вместо *āšuftan*³.

Действительно ли *āluftan* представляет то, что называют *ghostword*? Или это слово, хотя и существует, но настолько полно и точно совпадает по значению с *āšuftan*, что они во всех случаях и контекстах взаимозаменяемы? Есть основания думать, что ни то, ни другое не соответствует действительности. В ряде источников и словарей глаголы *āšuftan* и *āluftan* и их причастия *āšufta* и *ālufta* четко различаются, и им даются хотя и близкие, но не тождественные значения.

Так "Полный переидско-арабско-русский словарь" И. Д. Ягелло (1910) дает:

āšufta влюбленный, помешанный, смущенный, расстроенный, нечеткий, неразборчивый (про письмо).

ālufta удивленный, изумленный, свирепый, бешеный, сумасшедший; влюбленный; разбитый, немощный, хилый, слабый, бедный; огорченный, печальный, скорбящий; распутник, развратник.

Целиком совпадают с Ягелло показания "Persian-English dictionary" F. Steingass'a:

āšufta enamoured, mad, confounded, illegible (writing).

ālufta astonished, furions, insane, mad; broken, infirm, poor, disconsolate; a debauchee.

Таджикско-русский словарь (1954):

³ Р. Horn. Neupersische Schriftsprache (*Grundriss der Iranischen Philologie* I, 2, р. 138): „Ganz unsicher sind *ā-luf-tan*, *ā-luft-idan*, *ā-luf-ta*, *ā-luf-t*, die mit den entsprechenden Formen von *ā-šuf-tan* synonym sein sollen, aber vielleicht nur Verschreibungen derselben sind“.

olufta 1. расфранченный, разряженный; 2. 1) щеголь, франт; 3) кутила, гуляка, дебошир, буян⁴. Эти значения до некоторой степени примыкают к переводам *ālufta* у Ягелло: распутник, развратник.

ošufta (*ošuftadil*, *ošuftaxotir*, *osuftahol*) ваволнованный, возбужденный, встревоженный, смущенный, расстроенный, влюбленный.

Самостоятельность глаголов *āšuftan* и *āluftan* поддерживается и тем, что каждый из них допускает свою особую этимологию. *Āšuftan* сближается с др.инд. *kṣubh-* ‘приходить в движение, волеенье’.⁵ Для *āluftan* профессор М. Mayrhofer указывает (в письме), со ссылкой на Morgenstierne, безупречную с формальной и семантической стороны этимологию: др.-инд. *lubh-* ‘быть в смущении, в замешательстве, в беспокойстве’, ‘быть во власти желания, страсти, любви’. Сюда же слав. *ljubiti*, нем. *lieben*, лат. *lubet*, *libet* ‘правится’ и пр.⁶

В то время как в европейских языках находит отзвук преимущественно одно из значений др.-индийского *lubh-*, именно ‘желать’, ‘любить’ персидское *āluftan* выявляет всю гамму значений, в том числе ‘быть в замешательстве, в волнении, беспокойстве, и пр.

Мне представляется, что в это этимологическое гнездо надо включить и осетинское (дигорский диалект) *ilivd* ‘несчастный’ и пр.

В числе значений персидского *ālufta* есть и ‘бедный’, ‘жалкий’, ‘бродяга’, ‘pauper’, ‘afflictus’, ‘homo vagus’, ‘ergo’ (Vullers), ‘vagabond’ (Zenker), ‘broken’, ‘infirm’, ‘poor’, ‘disconsolate’ (Steingass), ‘разбитый’, ‘немошный’, ‘хилый’, ‘слабый’, ‘бедный’, ‘печальный’ (Ягелло). Эти значения составляют специфику *ālufta* и чужды *āšufta*.

Они присущи и осетинскому *ilivd*. Приведу несколько цитат из произведений дигорского поэта Б. Гурджибекова, который особенно охотно употребляет это слово.

В стихотворении Mægurgor (“Нищий”) поэт говорит о горькой участи нищего:

⁴ Глагола *oluftan* Таджикский словарь не дает.

⁵ Vullers I 39; Horn 8.

⁶ Uhlenbeck. Et. Wörterbuch d. Altind. Spr. 263.

ewnægæj, ilivd, særigon, fese, bæġnægæj, hætuġ mægurgor
 “одинокий, жалкий, с непокрытой головой, в лохмотьях,
 голый бродит нищий”.

В стихотворении “Warzt” (“Любовь”) поэт, поняв, что его любовь обманута, восклицает:

nur bafæsmaŕdton mæ ilivd
 “теперь я узнал, как я несчастен”

и далее:

warġti miġdi run iŝŝirdton fælivdæj,
 ka’j mæ zærdi tad iġdi mæ mæguri, ilivdæj

“в награду за любовь я нашел болезнь (по вине) обманщицы, она в моем сердце как расплавленный свинец, я бедный, несчастный”.

В стихотворении “Wasgerġi” (“Святой Георгий”) говорится, что к Wasgerġi обращены молитвы всех, кто нуждается в помощи:

‘kovæn din, kovæn ædzoxæj,
 wæ, wælarvon bazurgin:
 ka æ kuŝti rist k’oxæj,
 ka æ k’æsi æd runġin,
 ka æ nadi særi ilivdæj . . .”

“молимся тебе, молимся все время,
 о, крылатый небожитель,
 кто за работой с натруженными руками,
 кто у себя в хижине больной,
 кто на дороге несчастный (сбившийся с пути)”.

и далее:

tabu din kænæn næ kuvdæj,
 wæ, næ cardi nifs dæddæg,
 ma næ ma wadzæ ilivdæj
 æd warzon ma æd hæstæg.

“мы славословим тебя своей молитвой,
о, податель надежды в нашей жизни,
так не оставляй же нас беспомощными
вместе с нашими любимыми и родными”.

В пьесе “Æduli” (“Дурачок”) бедняк, который стал жертвой бандитов дворян, называется *ilivd od* “несчастливая душа”.

В этой же пьесе героиня, которую против воли выдают за богатого, но придурковатого юношу, называет себя *ilivd* и молит бога:

wæ, mæ 'zædixaj, mæ xucaw!
mæxe we 'wazæg, wæ baræ ilivdæj kænun.

“о, мое божество (мой ангел), мой бог!
отдаю себя под ваше покровительство, под вашу волю, (я)
несчастливая”.

Она же, обращаясь к умершему брату, жалуется, что он оставил ее *ilivdæj*:

wæ, Naluq, wæ me 'rvadæ,
ku niwwaxtaj mæ ilivdæj
“о, Налук, о, мой брат,
(ты) оставил меня несчастной
(обездоленной, беспомощной)”.

Для уточнения значений слова *ilivd* я обратился к дигорскому писателю Таэрету Бесаеву, который любезно сообщил: “Слово *ilivd* часто встречается у дигорцев в бытовом разговоре. Так говорят о невзрачном, бедно одетом человеке. Подойдут также значения ‘убогий’, ‘обездоленный’, ‘беспомощный’, ‘бесприютный’, ‘жалкий’,” Т. Бесаев приводит для иллюстрации несколько фраз из живой дигорской речи:

“Æzinæ ġazti Qalibegli næwæg siaxsi fæwwidton:
ci qæbær ilivd æma ægudzæg æj. Nur eci ilivdæn kud
ravarðtoncæ sæ desæ-mesæ dzæbæx kizgæ?

“вчера на танцах я увидел нового зятя Калибеговых: до чего он жадный и беспомощный. Как они отдали свою на удивление хорошую девушку за этого несчастного?”

hucaw dæ stong æma ilivdæj fæccærun kænæd

“пусть бог пошлет тебе жизнь голодную и жалкую” (проклятие).

Такие же значения дает для *ilivd* известный дигорский поэт А. Гулуев.

Как видим, в осетинском *ilivd* закрепилось одно из значений, свойственных персидскому *ālufsta*: ‘жалкий’, ‘несчастный’ и пр.

Формально *ālufst* восходит к др.-иран. **ā-lufsta-*, *ilivd-* к **vi-lufsta-*. Ожидали бы скорее **iluvd*; но в дигорском бывают случаи перехода *a, u* → *i* по ассимиляции гласных или по другой причине; ср. *ilindzun* ‘расстилать’ из **vi-ðanf-*, *imisun* ‘прибывать’ из **vi-mas-*, *fidbiliz* из *fud-iblis* ‘злой гений’; ср. также *mistæ* из *mus* ‘мышь’. Отметим, что и в латинском наблюдается колебание *libet* || *libet*.

В моем Историко-этимологическом словаре I 543 я предположительно возводил *ilivd* к **vi-lipta-* от *rip-*, *lip-* ‘пачкать’, ‘обманивать’ (осет. *fælevun*: *fælivd* ‘обманивать’). От этой этимологии придется отказаться как семантически крайне натянутой.

Близость значений между *ālufstan* и *āšufstan* объясняется отчасти близостью между исходными *lubh-* и *kšubh-*: в обоих глаголах присутствует идея психического возбуждения. Совушение *ālufstan* и *āšufstan* способствовало, вероятно, их дальнейшей семантической контаминации и сближению.

Глаголы, выражающие эмоции возбуждения, желания, любви, в прототипе имеют нередко магическую семантику, означая, пассивно — одержимость, активно — колдовство⁷. Глагол *lubh-* относится, по-видимому, к этому разряду. Значения ‘несчастный’, ‘жалкий’ в осет. *ilivd* и перс. *ālufsta* могли развиться из идеи одержимости.

⁷ Абаев. К палеонтология слов, обозначающих “любовь” и “ненависть”. Осетинский язык фольклор 1, Москва, 1949, стр. 579–586.